

На ужин подали жаркое, а на десерт астраханский арбуз. Мы пили водку из специальных неустойчивых рюмок без ножек: из них нужно было пить до дна. С нами ужинали Межелайтис и распорядительницы. Маленькая дочка Симоновых перед тем, как пойти спать, робко пожелала всем спокойной ночи. Разговор шел преимущественно о еде и поездке Фроста и не касался серьезных тем. Симонов ограничился несколькими анекдотами и приличествующими случаю фразами о работе и долге художника. Вечер был спокойным и приятным, но, кроме угощения, ничего не запомнилось. Симонов и его жена были очень любезны, но за все время никто не сказал ничего существенного. Наша трапеза сильно смахивала на ужин зажиточных американцев в пригородном доме. Мы рано уехали из гостей, чтобы успеть на двенадцатичасовую “Красную стрелу” до Ленинграда. Распорядительницы, Фрост, Адамс, Мэтлок и я — все с чемоданами — прибыли на стоянку такси Ленинградского вокзала.

Поезд тронулся. Распорядительницы скрылись в своем купе. Фрост лег спать. А Адамс, Мэтлок и я, распивая бутылку виски, неожиданно появившуюся из чемодана, словно сказочный джинн, готовились к веселому ночному бдению.

Вторник

<...> Комарово с его писательским и академическим дачными поселками находится на морском побережье в пятидесяти минутах езды от Ленинграда. Дача Алексеева представляет собой простой очаровательный летний домик с ухоженным садом, обнесенный низким забором. В доме и около него хорошо и привольно.

Алексеев с семьей радушно приветствовали нас. По дороге я пытался объяснить Фросту, к кому, куда и зачем мы едем, и предположил, что там будет и Анна Ахматова, лучший из ныне живущих русских поэтов. Я был взволнован. Я испытывал